

Сергей АХМЕТОВ

СРОЧНИКИ

Повесть

Окончание. Начало в № 6, 2024.

* * *

– Танки справа! – заорал Васильев.

– Ложись, ложись! – закричали впереди колонны, и многие бойцы упали на землю, побросали винтовки и даже однозарядные «дегтярёвы», предназначенные для борьбы с бронетехникой, руками прикрыли затылки.

Бежавшие позади застыли, как каменные бабы, и стали растерянно оглядываться: падать на землю? Куда бежать, что делать?

– А те дам – ложись! Встать, встать!

Впереди колонны стоять остался один Адам Сулимов. Но и он долго на месте не задержался: одного бойца схватил за скатку шинели и рывком поднял на ноги, поволок за собой, на второго наступил, третьего пнул.

– Кто отдал приказ, шайтаны? Встать!

Разъяренный Адам бегал возле бойцов. Что тут скажешь, умному – указание, дураку – палка. Но не его гнева испугались ребята, а скорее устыдились своей поспешности, и стали подниматься на ноги, оправлять снаряжение.

– Ты что, дурак?.. Отставить!.. Винтовка где?.. Винтовку подними!.. – Адам присовокуплял ругательства на своем языке, а по-русски из его уст вылетали только четкие команды.

Наконец бойцы поднялись и собрались с духом.

– Позиии занимай! Готовь огневые средства!

Тут колонна разделилась. Бежавшие сзади в полном боевом порядке стали занимать позиции. Из центра колонны на правый фланг бежали несколько человек во главе с Байсеитовым. Это был дежурный отряд гранатометчиков. Среди бойцов я узнал нескольких ребят-физкультурников, недавно сдавших нормы ГТО первой ступени. Эти парни были лучшими в гранатометании. Байсеитов командовал, и мы увидели, как бойцы его отряда стали рассредоточиваться и готовиться встретить танки...

Отделение пулеметчиков, груженное станковым зверем, побежало куда-то на фланг.

Я был в середине колонны, налегке, поэтому мог передвигаться свободнее. Лейтенант Васильев бежал наравне со всеми и вскоре оказался рядом со мной. Мы побежали дальше, к позиции, занятой ребятами Адама Сулимова после короткой заминки. Из неё в сторону поля немного выпирали длинные дула противотанковых ружей.

Как завзятый борец, Васильев мягко упал на пригорок, оглядел бойцов и достал свой бинокль. Он осмотрел поле перед нами, а потом перевел бинокль в сторону ядра нашей роты и крикнул:

– По танкам противника – огонь!

Раздалось несколько выстрелов. Где-то вдали послышались глухие удары снарядов.

Затем Васильев повернулся в сторону, где засели гранатометчики, сунул в рот пальцы, как будто хотел вынуть зубной протез, и засвистел. Тогда со стороны отряда Байсеитова в прозрачное небо черными ласточками взмыли снаряды и, пролетев долгой дугой, упали на землю в пятидесяти-шестидеся-

ти метрах – прямо возле деревянных скелетов танковых муляжей, крытых какой-то зеленью.

Васильев снова вонзил лицо в наглазники.

– Ух, закидали, паршивцы! Ну, молодцы!

Потом встал в полный рост, каким-то причудливым движением руки про-сигнализировал, и издали послышалось певучее, раскатистое:

– Ро-ота, впер-ед!

И уже близко, голос Васильева:

– Взво-од, в походную колонну становись! Бего-ом-арш!

Не прошло и нескольких минут, как все вернулись в исходное положение, уплотнились в змеевидную колонну и побежали дальше, на ходу поправляясь, отряхиваясь.

Бежали уже больше часа, по пересеченной местности, одолевая один холм за другим. О времени никто не думал. И правильно. Нужно было поддерживать хоть какой-то ритм дыхания, подстроить тела под препятствия, сладить работу мышц, и бежать, бежать, с чувством товарищей вокруг себя. Ребятам из новоприбывших, особенно тех, что послабее, старались держать в середине, чтобы вокруг них бежали парни покрепче или постарше. Эти умудрялись поправлять слабым винтовки на бегу, поднимать каски, сползавшие на глаза, и даже совать платки – утереть пот и сопли, мешающие дыханию.

Адам продолжал ругаться и на бегу. Это выглядело уморительно, поскольку и он был вынужден вставлять бранные слова в определенные моменты, на выдохе, чтобы не сильно сбивать ритм.

– Шайтан! – вдох, выдох, вдох, три шага. – Убью! – вдох, выдох, глубокий вдох. – Тявка, блин, на привале... – вдох, выдох, вдох, – зарезу!

Это он выговаривал солдатику, который зачем-то крикнул «ложись» и посеял панику в голове колонны. А рядом бежал сержант, который поддался общему порыву и тоже растянулся на земле вместо того, чтобы скомандовать занимать позицию, предусмотренную нормами противотанковой обороны. Поскольку Адам был теперь без пяти минут старший сержант, как и все грамотные, то не стеснялся руководить наравне с незадачливым младшим командиром.

Бойцы устали, всё чаще спотыкались. У многих заплетались ноги, слова звучали всё тише. Мышцы задубели, и всё сознание желало одного – спать – и только желудки яростно урчали при любом замедлении движения – на подъемах и в подлесках. Но никто уже и не надеялся на такой славный исход, ведь все знали, что после марш-броска назначены еще стрельбы. А команды остановиться всё не звучало. Бежали дальше, полумертвые, и вслушивались, вслушивались, в надежде поймать вожака команды со стороны командиров.

Наш молодой капитан скакал на коне слева, параллельно с колонной, и я почти уверен, что уши его горели адским пламенем. С самого утра было видно, что настроение у него препоганое, ведь он каждую субботу старался ускакать в город и там ночевать. Судя по запаху одеколona, исходившего от него в эти дни, его ждало там приятное свидание, а тут – учения, да на весь день, да с ночевкой в поле. Конечно, его можно было понять по-мужски, но по-солдатски мы его проклинали за каждую секунду молчания. Левым глазом на него косились сто пятьдесят человек.

Хороший наездник – словно крылья для коня, так говорят в степи. Вот и капитан гарцевал так плавно, будто парил над землей, а ноги его отдыхали, вызывая зависть в душах и судороги в наших натруженных бедрах.

И вот впереди загустел зеленью лес, а команды сворачивать не было. Тогда рука капитана напряглась.

У тех, кому доводилось управлять лошадей, счастьем засветились глаза. Стало понятно, что он вот-вот сожмет кулак и следующим его движением будет натягивание поводьев.

Так оно и оказалось.

– Рота-а, стой! Командиры ко мне!

Немедленно послышалось протяжное «у-ух», общий выдох облегчения, и тут же со всех сторон раздались покашливания, высмаркивания, хруст суставов и бряцание экипировки. Даже горячая горская кровь Адама, казалось, успела остыть, потому что он глядел на оплошавшего бойца уже без ненависти, а только с презреньем. Может, потому, что боец выглядел совсем жалким после того, как едва не выплюнул свои легкие. Гнев Адама можно было понять. Окажись мы в боевой обстановке, такой паникерский выкрик мог стоить жизни половине взвода, но дело было даже не в этом. Васильев никогда не выговаривал бойцам за огрехи во время занятий – только после, во время подробного разбора. И скорее всего, этим ребятам, вместе с Адамом, придется сегодня заступить в ночной караул в качестве наказания, а завтра заслушать при всех разбор их неграмотных действий.

Едва самые сноровистые из нас успели восстановить дыхание, как от капитана вернулся Васильев.

– Байсеитов – ко мне!

– Здесь, товарищ лейтенант! – несмотря на то, что Байсеитов был полным, круглощеким и мощным парнем, он, казалось, вовсе не устал от нашей пробежки.

– Кого посоветуешь из стрелков?

– Мельник, Сулимов, Бадурашвили, Деревянцев...

– Ладно, ладно! Сам знаю, – Васильев почесал затылок карандашом, – возьмем еще Нургалиева.

– Нургалиев стреляет неплохо, товарищ лейтенант. Но есть Сушков, есть Онербаев... Да и я сам не из лучших, товарищ лейтенант. На последних стрельбах шестнадцать очков выбил из тридцати.

– Да знаю, знаю. Придется с этим смириться, – обреченно вздохнул Васильев.

– Как так, командир? – Байсеитов всегда тонко чувствовал момент, когда старший по званию расслаблялся, просил совета не ради проверки, но искренне. – А где стрельбище-то? За холмом?

– Нет, Девяностый. Прямо в лесу. Вот для этого ты мне и нужен в отряде. Гляди-ка, – Васильев достал карту и ткнул в неё карандашом, – вот здесь, здесь и здесь – огневые точки условного противника. Там будут мишени. Подходы – охраняются, а где – неизвестно. Усек?

– Так точно. Без разведки пойдем?

– Да. Вот тебе карта, а вон лес. Пять минут тебе. Соображай, ориентируйся, как будем подбираться.

– Так точно, товарищ лейтенант!

– Нургалиев!

– Я, товарищ лейтенант! – подскочил.

– Тебя берем с собой. Отстреляешь как умеешь – всё внимание на это. А свои впечатления позже запишешь, усек?

– Так точно! Разрешите вопрос?

– Знаю, знаю, есть у нас стрелки и получше. Но уж не обессудьте. Выполнение общей тактической задачи важнее конкретных выстрелов. Всё.

– Благодарю за доверие, товарищ лейтенант!

– Так, красноармейцы Мельник, Сулимов, Бадурашвили и Деревянцев, получайте задачу: короткими перебежками, гуськом и ползком следуем за старшим сержантом Байсеитовым. Подходы к условному противнику простреливаются. Главное – не дать себя обнаружить. Далее занимаем огневой рубеж, поражаем противника огнем. Байсеитов! Всё?

– Так точно, товарищ лейтенант, – Байсеитов приподнялся, карту поставил так, чтобы всем было видно, и объяснил, как лучше передвигаться. – На ходу, конечно, яснее будет. Главное, грамотно маскироваться и тихо, тихо, за мной, как я.

– Все усекли? – переспросил Васильев, сам отдаваясь на волю лучшего нашего разведчика Токсана Байсеитова. – Тогда пошли! Остальным – привал до нашего возвращения. Эй, сержант, ты за старшего!

И наш отряд двинулся в лес. Два отряда, выделенные другими взводами роты, ушли раньше нас, по другим направлениям. Васильев сказал, что капитан решил провести ротное соревнование в условиях, сильно приближенных к боевым. Это не говоря о том, что уже смеркалось, и чем раньше мы бы добрались до условного противника, тем больше шансов было точно поразить мишени. Поэтому наши соперники выдвинулись так скоро.

Это же их и погубило. А еще то, что у них не было Байсеитова. Оба отряда попали под холостой огонь условного противника. Несколько их стрелков, таким образом, выбыли. Мы же добрались всем отрядом, без потерь, заняли огневой рубеж.

Сильно сказывалась усталость, да и мы с Байсеитовым вовсе подкачали. Выбили по пятнадцать из тридцати. Но вот от выстрелов остальных ребят мишени быстро превратились в осколки фанерной щепы.

Назад шли в приподнятом настроении, даже не столько от выполненного задания и первого места в ротном соревновании, сколько в предвкушении отдыха. И Васильев остался доволен. Мы знали, что завтра он камня на камне не оставит от наших действий, каждую мелочь припомнит и выставит перед всем взводом так, что стыдно станет даже бездушному. Но пока он шел, улыбался, нахваливал нас и бодрился.

В живописном местечке, почти полностью окруженном высокими и пышными тополями, кустарниками боярышника и красной бузины, где бойцы желали бы прилечь на травку, вдохнуться в свежесть земли и сладко заснуть, мы не сразу нашли вожаемый покой. Вокруг щебетали птички, неподалеку слышалось журчание реки Лесной. Оттуда тянуло влагой. Среди этого великолепия раздалась команда:

– Рота, стой! Оборудовать лагерь, ставить палатки. Один час даю!

Как полудохлые муравьи, сожженные казахским солнцем, мы стали разбредаться, соблюдая некое подобие порядка. Каждый держался своего отделения, а точнее, знакомых лиц, запахов друг друга, поскольку глаза перестали подчиняться. Усталость настолько перевешивала все остальные чувства, что уже и есть не хотелось, только спать, спать.

Васильев, как будто и не устал, ходил, командовал, помогал нерадивым бойцам ставить палатки, поучал, шутил. Ох, как неуместны казались его шутки, ведь они заставляли улыбаться, даже посмеиваться, а это значило лишнее движение, лишнее напряжение мышц лица, шеи. Но через час палатки были оборудованы, натянуты, крепко, уютно стояли чуть выше уровня земли, обещая бойцам то, чего они больше всего желали. И все стали смеяться, отвечать друг другу шутками, тыкать соседей в ребра. Чувствовали приближение заветного мгновения, когда они войдут в палатки, снимут сапоги, расстегнут

ремни и растянутся, и мышцы их благодарно заноят, и головы их погудят, помечтают и выключатся. Неугомонный Васильев обошел все палатки, проверил, покивал и отправился докладывать капитану о размещении своего взвода в походном лагере.

Я мог только дивиться энергии этого человека, и снова меня резануло – вскоре и я стану младшим командиром. Думалось, что слишком большая это ответственность. И я решил писать новый очерк о них. О Васильеве, о Байсеитове, об Адаме Сулимове, о Саше Мельнике, который выбил на стрельбах двадцать девять очков из тридцати. Именно эти люди тянули наш взвод, на них держалась воинская дисциплина, поддерживался высокий боевой дух, чувство товарищества и коллективное осознание нашей силы, неодолимой, стальной, в ракурсе одного маленького тактического подразделения пехоты. Из таких бойцов и командиров и должна состоять рота, батальон, полк, дивизия, вся Красная армия!

Васильев вернулся и разрешил разжечь по одному костерку на палатку, велел вскрывать пакеты сухого пайка, а сам сходил в лес и вернулся оттуда с небольшим, но широким поленом, которое ловко обтесал топором и приладил возле палатки, на земляную насыпь. Вокруг застучали котелки, ложки, кружки.

– Вот, садитесь. До отбоя не спать! – и сам сел в середине, как бы ожидая, кто из бойцов пожелает к нему подойти. Потом подумал маленько и всё ж таки решился, добавил: – Утром зарядка. Побегаете еще.

Бойцы проглотили вздохи отчаяния. Ведь Васильев улыбался, будто ангел-периште спустился на землю и стал созывать в райские сады. Всё-таки завтра воскресенье. Весь день проведем в поле, будут политзанятия, может, читка газет. Снова как на маевке. Главное, что не погонят обратно к летнему лагерю, где бойцов ожидает очередное распределение на строительные работы. А так, считай, выходной.

Расположился наш полевой лагерь возле речки Лесной, там, где она сближается с Западным Бугом и некоторое расстояние течет вдоль демаркационной линии. Затем случилось то, что должно. Подразделение сержанта, которое оплошало на марше, было назначено для несения ночного караула от нашего взвода, к западу от лагеря. Так что, когда скомандовали отбой, бойцы разошлись по палаткам, а караульные побрели в лес.

Я еще какое-то время просидел у костерка, поддерживал его сухими веточками, которых насобирали с запасом. Удивительно, но сонливость как рукой сняло. И даже какое-то странное чувство закипало внутри. Я не мог понять – что это. Как будто утром предстояло большое дело, решающий момент в жизни. А я не готов, я даже не начал об этом думать, настраиваться. И поэтому спать нельзя, ни в коем случае нельзя, нужно бдеть, думать, разобрать предстоящее событие, от которого зависит будущее. Но что разбирать? Какое такое событие?

Непонятное чувство тревоги заставляло сердце стучать громче, как бы предупреждая, что вот-вот произойдет что-то величественное. От неизвестности, от необъяснимости почти в панику бросало. Может, заболел?

Нет же. Устал, устали мышцы, устала голова. Не более.

Ко мне подсел Саша Мельник.

– И тебе не спится, а?

– Да вот, Сань, что-то задумался. А о чём – сам не знаю. Чудно.

– Добра тут, пригожа, а? И у нас под Гомелем междуречча, ляса. Зараз нябось ягода пайшла...

– Хорошо здесь. Добрая земляца, добрые люди. Здесь так и хочется жить, трудиться, сеять, а природа как будто сама тебе помогает. Будет неурожай, ниче-

го, вот тебе речки – рыбачь, вот леса – собирай грибы, ягоды. Заводи огородик, сажай для себя, засаливай на зиму. Всё дает эта земля трудовому человеку.

– Добра сказау, дружа. А дразувидац, письменник, дар Божи, – Саня похвалил мои посредственные способности, и добавил: – А ты, засумавау по дому?

– Эх... – не успел я покраснеть от похвалы, как снова разбередилась тоска, но Саня не дал этому гнетущему чувству разлиться.

– А пакличаш у госцы? Вельми горы хочу поглядзец...

– Санька, братишка! Гости у нас – это святое, это важнее хозяина, важнее скота! – я тут же загорелся. – Приезжай, братишка, приезжай! Знаешь, у нас как бывало? Приезжает дорогой гость, его потчевают самым лучшим, всё на стол собирают, все запасы, пусть даже семья концы с концами едва сводит. А когда настает время уезжать, так ему говорят: выбирай любого коня из табуна, дарю! Так делали...

– А тады обязацельно прыеду! Глядзи, лаулю на слове! Назад дадому каня, значыц, привязу! Ух, мама будзе рада. Только я цяглавай коника вазьму, не скакуна. Таки в хозяйстве больше потребны. Так што не перажывай, не разарышыся от майго прыезду!

– Ха-ха! Приезжай, братишка, приезжай!

Саня умел пошутить в самый неожиданный момент. Вот и теперь, едва когтистая лапа тоски замахнулась на мою душу, он эту лапу отвадил, и смехом мы покуда одолели несносное чувство.

– А вун, Дзевяности идзет. Добра, пойду спац. Ты у нас лодзыр, дружа. Учора на стройцельных працах не быу, у крэпосты гуляу, а мы с адзялением бетону намясили, тон сто. Дзот заливалы.

– И то правда. Ну, давай, братишка, спокойной ночи!

А я совсем не слышал, как в ночной темени, беззвучно, подкрался Байсеитов. Только Саня Мельник, безвыездно проживший в лесах и полесьях, мог в темноте различить этого хищного кота. Он и испортил шутку Байсеитову, который хотел меня напугать.

– Уй, собака, зашем сказал? – Токсан замахнулся на уходящего Саню, так любившего наш казахский говор.

– А, такого таустуна за вярсту видац. Я здалеку пах собачыны учуял.

– Убери с глаз моих свою рожу, будь так добр. И так страшно в темноте, – ответил Байсеитов, и они премило друг другу улыгнулись, погрозили кулаками и мирно разошлись.

– Эх, Тока! Жауынгерлерімізді қарап өттің ба¹?

– Да. Спят как байские дети. Только Васильев ходит кругами, курит. Не спится, говорит. В небо глядит, как будто посылку ждет, – Байсеитов грузно плюхнулся рядом со мной, закурил. – Ты почему не спишь? Очерк пишешь?

– Да какой там! Сижу, думаю, аул вспоминаю. Саня мне невольно историю напомнил из детства. Собирал нас, маленьких, дед в своей юрте. Всем подзатыльников отвешает для начала. Ох и матершинник был страшный! Никого не стеснялся. Асыки велит засунуть... куда подальше, и усадит нас, как будто курултай собрал. И что ты думаешь, он нам сказки рассказывал, о батырах и красавицах? Не тут-то было, дорогой Тока. Он рассказывал о древних законах: как кого следовало наказывать за те или иные проступки, о том, как хан мог наказывать чернокостных, как следовало здороваться с проезжим конным султаном. Ух и строгий был старик!

¹ Совершил обход солдат? (каз.)

– Да, то поколение совсем другим было. Недолго прожили при советской власти.

– Недолго. А может, и к лучшему. Думаю, для них это было бы нестерпимо. Где ж это видано! Чтобы баб без калыма отдавать? Бедняку перед баем не сгибаться в три погибели, а гордо глядеть, даже не как равный, а как главный? Для моего деда всё бы местами поменялось, хотя сам он был середняк.

– Ха-ха! А у меня бабушка такая была. Скота – три овцы да полудохлая коровенка, а той закатала для моего отца будь здоров! В город съездила, в долги залезла так, что до самой смерти не рассчиталась. Отец до революции сам ходил, платил тамошним богачам проценты. Едва ягнята народятся – он в город, отдавать. Зато достойно женила отца, всех родичей позвала, уважила и покормила.

Мы сидели и тыкали веточками в костер, теребили горящие поленья, то разваливая кучку так, что костер едва не затухал, а то собирая вновь пирамидку.

– Давно хотел у тебя спросить, Тока. А помнишь Мишу Самарина из нашего эшелона?

– Помню, конечно, – ответил Байсеитов, и на лице его я прочитал какую-то скорбь, – а что? Почему ты о нем вспомнил?

– Да так, что-то думаю о нем часто в последнее время. Встречался с ребятами, кто что говорит. Смешно, конечно, но болтают, что призрак его где-то здесь бродит.

Неожиданно для меня член ВЛКСМ, знаток истории ВКПБ, активист Токсан Байсеитов, который не дожидался приказа о присвоении внеочередного звания, а сам еще прошлой зимой выдвинулся в младшие командиры, понимая кивнул, услышав про сплетни о призраках, грустно вздохнул и насупился, как будто своими улыбками я его обидел, говоря о дезертире.

– Вот скажи мне, Тока. Ты как к нему относился?

– Как-как... По-товарищески относился. Эти все его шуры-муры, торговля всякая... Дурак же. Беспризорничал много. Полжизни считай. Да так и не отучился. Эх, если бы он еще хоть несколько раз к нам на политзанятия пришел, мы бы из него эту дурь выбили. Он читать учился. Счет знал хорошо, получше многих. Из него вышел бы толк рано или поздно. Может, в коммунисты он и не выбился бы, но в любом коллективе мог бы достойно пристроиться. А может, и по армейской службе бы выдвинулся. Скажем, по интендантской или по снабжению.

– Но Тока, он ведь дезертир!

– Да какой там... Дезертир... Слушай, Мукаш. Я тебе как брату скажу. Я кое-что знал о нем, он со мной делился иногда. Вот скажи, стал бы он делиться с таким, как я, если бы дела его были совсем темными? Не стал бы – себе дороже связываться с комсомольцем. А он делился, спрашивал совета. Так вот незадолго до этого якобы побега он мне рассказывал, что попал в большие неприятности с поляками-красноармейцами. Денег им задолжал. А у тех родичи какие-то за Бугом. Через них всякие побрякушки выменивал. Вот как. В крепости к нему бы не притронулись – все ведь видели, что он наш земляк, и мы за него горой. Вот эти поляки и трусили. А как вышли, так они его и ухватили.

– Что-то не вяжется, Тока. Если бы он им задолжал, то зачем бы брал поляков с собой? Не дурак ведь. Да и они что? Прибили его, а сено забрали за долги, так что ли?

– Почему прибили... По башке тюкнули да с собой уволокли. Я же говорю, у них родичи за Бугом. Видно, им казалось, что там они лучше заживут. Ты толь-

ко их послушай! Красные им то, красные им сё... Шушукуются. Им даже фашист милее. Мол, крепость у них немцы отняли, а мы пришли на всё готовое.

– А Мишка-то тут при чём?

– При чём... Я так думаю, хотя, это, конечно, домыслы, Мукаш. Я не докладывал никому. Мишка ведь кто? Известный спекулянт, все местные тропки знал, кое-какие укрепленные пункты, во всех деревеньках бывал, знакомства водил. Не говоря уж о крепости. Оружие у него с собой, униформа, документы. Ценный кадр, а?

– Ну, допустим.

– А поляки, думаешь, кому-то там нужны, за Бугом? Их там вся Польша. Вот эти трое и прихватили с собой нашего Мишку. Ценный кадр, говорю. Да и язык, опять же.

– И ты туда же, Тока! Хочешь сказать, что немцы готовят что-то? наших пограничников отлавливают и пытаются их? А зачем?

– А я не знаю, зачем. Но дезертиров-то у нас прибавилось. Сначала Мишка и три поляка пропали. Потом пограничники. Потом ребята некоторые перестали из увольнительных возвращаться. Что, думаешь, с перепоя дорогу обратно позабыли? Да пешочком отправились домой? В Сибирь да на Волгу? Или еще куда подальше? Или решили зажить мирно на сеновале с местной девкой? В двух шагах от расположения дивизии, из которой сбежали?

– Да, странно это. Много стало дезертиров... – наконец я задумался поглубже, посерьезней, многое припомнил и стал понимать, куда клонит Байсеитов. В его устах подобные предположения звучали веско. – Думаешь, немцы на нашем берегу орудуют?

– Не знаю, Мукаш. И не наше это дело. Да только ребята из НКВД теперь за пограничниками особо смотрят. Вон, даже к нашей роте комиссара поставили на время летних работ и учений.

– И то верно. Неприятно как-то стало. Особенно тут, у границы...

– И я что-то беспокоюсь... Непонятно. Вроде тихая ночь... Ну, ладно, Мукаш. Ты эти думы брось. Не нашего ума дело, и нечего об этом трепаться. Услышит кто, потом запаримся бумагу марать, объяснительные писать. Какие, к шайтану, немцы, какие перебежчики! Провокации это, и точка. Усек? – закончил Байсеитов словечком лейтенанта.

– Усек.

Конечно, и это была лишь очередная версия о судьбе Мишки Самарина. И она была по-своему хороша. Правдоподобнее сказок о духах и призраках. Если бы не одно обстоятельство. Ведь я видел этот призрак, я видел Мишку. А если он жив, как думает Байсеитов, если существуют перебежчики, то, может быть, Миша вполне себе живой, жрет немецкий шоколад, а по ночам ходит за Буг в гражданской одежке и пугает население? Или высматривает что-то для немцев?

Ерунда какая-то получалась. Ведь не может советский парень, пусть и не самый ответственный, за долги на врага работать... Или на союзника, как втирает полковой политрук... Но да ладно.

Я приобнял Байсеитова за плечи. Сначала получилось нелепо, потому что моя рука едва дотягивалась до противоположной стороны этого широко-го, широкого тела. Но я поднапрягся, дотянулся.

– Эх, Тока... Домой охота! Ты чем после срочной займешься? Пойдешь баранов пасти, а? Здесь у тебя с нами хорошо получается. Ты прирожденный чабан!

– Отстань ты, Мукаш! – он хотел скинуть мою руку с плеч, но я вцепился крепко. Потом сдунся, и дух старшего сержанта его ненадолго покинул. Он

снова стал пастушком Токсаном из поселка Енбекши в степях под Джамбулом. – Хочешь, скажу?

– Не томи, родной! Говори смело! И ты, что ли, невесту себе заприметил? Золотоволосую, а? И теперь думаешь, как её домой-то привезти, что отцу сказать, а? Созна-айся! И в вашей семье пережитки старины еще не выветрились!

– Дурак ты, Мукаш! Какая невеста? Еще не хватало! У меня другая радость, – он поглядел на меня испытующе, потом с чувством задетой чести отвернулся, но всё же тихо так, скромно сказал: – Я в партию вступаю. Вчера было обсуждение моего дела. Утвердили. Политрук сказал – в город ехать. Фотографию делать на кандидатскую карточку. Завтра и поеду.

– Вон оно что! Поздравляю, братишка, поздравляю! – искренне обрадовался я. А потом даже удивился, почему он так долго тянул. Или, может, не одобряли кандидатуру лучшего из нас? Но Байсеитов это прояснил, еще более тихим голосом.

– Мне же двадцать три исполнится через неделю. Комитет комсомола рекомендовать будет.

– Ага! Значит, двойной той будем делать, а, братишка? Вчера Камбаров подружился с одним дядей узбеком. Так тот, веришь, поваром работал до срочной! Вот тебе и той закатым, с пловом!

– Да ну тебя, какой той, какой той? – тут я понял, что дух старшего сержанта Байсеитова вернулся в плоть и занял свое законное место. – Ай, дурак!

Он порывисто встал, но всё-таки улыбнулся мне, как умалишенному, хлопнул по спине и пошел проведать, не успокоился ли Васильев. А я юркнул в свою палатку.

Опять тишина, лес вокруг. Опять звуки природы, речки Лесной, сверчков и насекомых, зверей – всё казалось посторонним, отдельным от тишины. Как будто звуки эти были сами по себе, а тишина вроде как позволяла им копошиться, но всё равно властно окутывала все вокруг, заглушая даже здоровый солдатский храп.

Я вертелся, не мог уснуть. Неприятная была эта тишина, давящая. Неспкойная. Не такая, как бывает в мирном ночном ауле, хрупкая и мягкая, такая, что её может нарушить собачий визг. Здесь тишина была какой-то грозной, предостерегающей. Я не мог найти подходящую позу, просыпался, переворачивался. Плюнул на это бесполезное занятие. Тихонько выбрался из палатки. За пределами солдатской палатки тишина оказалась еще более абсолютной, как сама ночь. Звезды мерцали ярко, но какой-то гаденький туман мешал этому свечению. Я не понимал, сколько провалялся. Может час, а может, полночи. Но чувствовалось, что ночь теперь в разгаре, хотя и вот-вот начнет съезживаться, сдавать позиции перед ранним летним светом. Старики говорят, что это самое опасное время, когда ночь начинает отступать. В такое время умирают старые и больные.

Дежурных по лагерю не было видно. Наверное, ходили где-то в другой стороне. Я пошел в сторону леса, хотел размяться. Мы расположились довольно плотно среди молодняка. В глубине леса периметр должны были патрулировать караульные отделения Адама Сулимова. Покидать лагерь было запрещено, и я даже не хотел приближаться к часовому, чтобы не побеспокоить его. Но я никак не мог разглядеть его, хотя глаза успели привыкнуть к темноте. Я прошел еще немного, и еще. Лес был не таким густым, чтобы я не разглядел часовых. Но я никого не видел. Тут пришлось остановиться. Вокруг по-прежнему никаких живых существ, никакого движения, но из леса послышался шорох. Потом я заметил шевеление веток. Тревожное чувство вернулось, сердце за-

колотилось с бешеной силой. Из кустов показались согнутые фигуры. Две, потом еще одна, и еще две. Они передвигались, как-то кособоко, коряво, неловко обходя валуны и кустарники. Я оглянулся в сторону лагеря – ничего, тихо.

«Где же часовой, сволочь?» – стукнуло в голове, и в порыве какого-то страха я хотел развернуться и бежать в лагерь, звать дежурного, но тут меня окликнули. Точнее позвали, громким, шипящим шепотом.

– Мука-аш, Мука-аш...

Я присел на корточки, притих. Винтовки при мне не было, сдал... Меня сковал страх.

– Эй, яздархо¹! Ты что, шайтана увидел? – сказали совсем близко.

Я вздрогнул. Но через мгновение собрал все внутренние силы, обернулся.

– Адам, – я постарался сделать каменное лицо, но едва ли это вышло достойно.

Тем более, что лицо Адама было серьезным. Даже жестким. Подбородок его как-то совсем почернел, и я успел подумать, что ему снова влетит за неопрятность. Но взглядевшись, я понял, что это не щетина, а что-то темное, черное.

– Где часовой, Адам? Что случилось?

– Я часовой. Там стоял. Караульные человека принесли. Гражданского. Где дежурный? Где лейтенант?

– Дежурных не видел, а лейтенант, наверное, спит. Как это принесли? – не понял я.

– Ай-ях!

Из-за спины Адама показались остальные, которых я принял за странных существ. Это были наши, караульные.

– Да что случилось-то? Чего вы все перемазанные?

– Начальник караула, сержант Бобренко! – рявкнул старший, видно, впопыхах приняв меня за лейтенанта.

– Здравия желаю, товарищ сержант. Ты чего орешь-то? – ответил я.

Я пытался храбриться. Слишком уж перетрусил, когда увидел этих звероподобных в темноте, и мне было неловко от этого. Но глаза Адама горели каким-то нехорошим огнем. Перепачканное лицо, руки... Как будто дрожали. Если бы я не знал этого отчаянного горца так близко, то решил бы, что он напуган... А вот на лицах остальных явно читался ужас.

– А, Нургалиев, это ты... А ну, боец, – обратился он к одному из караульных, – а ну поди, разбуди лейтенанта и приведи сюда. Да не шуми там. Еще тревогу поднимут, а нам потом влетит...

– Да что случилось, может мне кто-то объяснить?! – нервы мои не выдерживали. Сердце колотилось в том же нездоровом ритме, беспокойство не ослабевало от близости ребят, а только нарастало, захватывало внутренности, как болезнь.

Мы не то сидели, не то стояли в небольшой ложбинке между холмами, утыканной булыжниками и кустами, метрах в тридцати от лагеря.

Боец убежал исполнять приказ, и тогда среди троих оставшихся караульных показалось еще одно лицо. До одури знакомое, донимавшее меня несколько последних дней...

Я моргнул раз, моргнул еще, подольше зажмуривая глаза, даже головой потряс, как промокший пес. И всё равно в темноте я видел лицо Мишки Сама-

¹ Писатель (чеч.).

рина. И он глядел на меня сначала удивленно, а потом белки глаз его уменьшились, брови змейками поползли вверх.

– Мукаш! Мукаш, дорогой! Ты!

Лица караульных устремились на меня.

– Мишка... Ты, что ли? Живой, Мишка?

– Знаешь его? – спокойно спросил Адам.

– Знаю, знаю! Он же с нами служил! Из нашего эшелона.

– То-то я думаю, рожа знакомая, – сказал сержант.

– Так... Где ж вы его нашли-то?

– Пограничники передали. В лесу. Говорят, на берегу Буга выловили, как карасика полудохлого.

Только теперь я понял, что Мишку волокли, тащили на себе. Он был весь мокрый, перепачканный еще гуще, чем караульные. Он был как будто сонный, очень сонный ребенок, который вот-вот рухнет на подушку и уснет. Шея не держала голову.

– Как так передали? Зачем? – в голове гудел рой вопросов, и я пытался разобраться.

– У них там какая-то неразбериха, Мукаш. Учения, что ли. Или внезапная проверка из НКВД нагрянула. Я не понял. Там лейтенант был. Он и велел отвести этого в наше расположение до выяснения. А сам убежал куда-то.

– Свист слышали. Шум. Опять ночные стрельбы как будто, – добавил Адам.

– Ну, нас уж предупредили бы. Ишь, стрельбы! – возразил сержант, весь дрожавший, перепуганный.

И тут я, ничего не понимая, вспомнил про Мишу.

– Мишка, Мишка, ты как?

Он сидел на коленях с завязанными руками, а голова повисла набок. Через открытый рот едва слышалось дыхание.

– Мишка! Самарин! – я потерял его.

– Мукаш... Здравствуй, Мукаш... – он улыбнулся мне детской, восторженной улыбкой, как сын, встречающий отца из дальнего похода.

Что-то рыкнуло в воздухе. Мы поглядели в небо, и тут я понял, отчего эта ночь показалась мне странной, отчего так ярко светили звезды, хотя небо затягивали металлические облака. И без луны было светло. Что-то еще освещало небо. С запада.

Рык усилился, удвоился, размножился. Над нами летели крылатые хищники в каком-то грозном порядке, устрашающем и остром. Летели так низко, так близко рычали моторами, что мы вжали головы в плечи, оробели от тягостной мощи, заволочшей небеса. На сытых, пухлых панцирях мы видели черные кресты.

– Мишка! Ты откуда, Мишка? Ты как здесь очутился? – я сбросил оцепенение от увиденного в небе, пытаюсь завести разговор со своим земляком, с дезертиром...

Но ужас, охвативший меня изнутри, продолжал разгораться. Ведь передо мной, уже на моих руках, лежало только тело. Я понял, что на руках у меня не земляная влага и не роса. Этот железистый запах, смертельно бледные лица ребят, дикий взгляд Адама Сулимова, кровь на руке. Это были не учения, это было не ЧП.

– Мишка, ну, Мишка! – взмолился я, как будто ответ мог нас всех успокоить, как будто от слов Миши зависело будущее.

Из глубины леса вверх, над высокими кронами, к звездам взмыла красная ракета. Затем еще одна, южнее. И еще. И еще.

– Мукаш... Война, Мукаш... Скоро война, Мукаш...

Мишка повторял мое имя, словно это приносило ему облегчение, словно давало надежду, смотрел на меня с открытым ртом, и я снова невольно сравнил его лицо с наивным выражением мальчишки. А он прочитал сомнение на моем лице, а может, и снисходительность взрослого.

– Я точно знаю, Мукаш... Я был там... Я всё видел... Я сбежал... Это не провокация... Сообщи, Мукаш...

Миша обмяк. Тело как-то вмиг утяжелилось, а глаза покрылись пеленой безразличия.

У нас говорят: человек при первой встрече – змея, при второй – кулан, при третьей – человек. Вот и Мишка оказался настоящим человеком. Может, он был дезертиром и перебежчиком, может, жертвой своих глупостей или жестокости людей. И всё-таки, что бы ни забросило его туда, за Буг, он вернулся, чтобы исполнить свой воинский долг, и дорого заплатил за это.

– Как же так-то... Как так-то? Братцы, что же это? – сержант, как и остальные бойцы, впервые увидел мертвеца, впервые присутствовал при работе старухи-смерти, ощутил холод вокруг, здесь, рядом, как соучастник.

Все мы вдруг осознали, что сидим в луже крови, которая натекла из ран на Мишиной спине. Мы поднялись на ноги и побежали в лагерь.

Стало еще ярче. Ветер дохнул на нас какой-то гарью. Дымных облаков становилось всё больше, а где-то вдаль, в стороне крепости, вспышками озарился фейерверк. Как же это было красиво, величественно! Через мгновение послышался громовой раскат, и земля сотряслась.

Тишина исчезла. Сломалась. И казалось, мы больше никогда не услышим её. Тихину.

Мы бежали к лагерю, кричали. Из глаз текли слезы отчаяния, грудь жгло, а из горла едва не срывался жалобный визг.

Но я сдержался. Со мной рядом бежал Адам, весь напряженный, собранный, как будто страх был ему нипочем. И я затвердел и задумался на бегу. Я вспомнил о Байсеитове, о Мельнике, о Васильеве. О крепости и о ребятах из нашего эшелона. О наших учениях, о полковом знамени. О нашем оружии, об артиллерии, о твердости нашего духа. И о том, что там, на востоке, раскинулась наша огромная страна, там наша земля, там наши жены и дети, там старики. А эти крылатые гады устремились туда.

В полевом лагере уже слышались громкие, отрывистые выкрики командиров. Здесь не было паники, а минутная ночная растерянность красноармейцев тут же испарялась под натиском четких приказов. Отделения выстраивались, солдаты поправляли гимнастерки, разбирали винтовки. Вдалеке скакал на коне красавец капитан.

И на нас обрушился стальной вал. Под ногами разверзлась земля. Воздух раскололся, и взорвался мир.

Мы солдаты, и здесь наше место. Мы стояли у самой границы в нашем полевом лагере. Мы были первыми, кто встал на пути черной бури.

И мы пропали без вести.

